

Стихийная семиотика Николая Ахшарумова

А. Е. Козлов

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Аннотация. Статья посвящена феномену стихийной семиотики критика и писателя XIX в. Николая Дмитриевича Ахшарумова. Современник Толстого и Достоевского, хорошо изученный сегодня как беллетрист, Ахшарумов практически не известен как исследователь, на протяжении достаточно долго времени создававший серию фундаментальных работ. Эти работы не предназначались для печати, тем не менее, рассмотренные последовательно, они свидетельствуют о напряженных методологических поисках, выходящих далеко за пределы эстетических интересов, нашедших отражение в опубликованных работах писателя. В частности, опираясь на работы И. Бенгама, О. Конта, Э. Ренана, Х. Штейнтеля и др., Ахшарумов формулирует ряд фундаментальных тезисов: 1) психология – это наука о знаках, которая должна заниматься изучением их «представительных смыслов»; 2) связь означаемого и означающего осуществляется на уровне абстрагирования от называемого предмета, и во многом является ассоциативной; 3) значение определяется коммуникацией и корректируется в зависимости от прагматики адресата.

Несмотря на очевидный дилетантизм в изложении существующих теорий, Ахшарумов-исследователь заслуживает внимания в контексте изуче-

Козлов А. Е. Стихийная семиотика Николая Ахшарумова // Критика и семиотика. 2019. № 1. С. 231–242.

ния «стихийных интуиций», определивших научный переворот начала XX в. Обращение к черновым записям свидетельствует о том, что многие семиотические идеи, не имея четкого языка выражения, буквально «носились в воздухе» и были знакомы читателям, выходящим за пределы академического круга. «Потайная», не известная современникам сторона личности Ахшарумова является частным свидетельством интуитивного предвосхищения больших научных открытий.

Ключевые слова: Ахшарумов, стихийная семиотика, дилетантизм, литературная репутация, вторичность и альтернативность.

УДК 821.161.1 + 821.0

DOI 10.25205/2307-1737-2019-1-231-242

Контактная информация: Козлов Алексей Евгеньевич, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе, Новосибирский государственный педагогический университет (ул. Вилюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия, alexey-kozlof@rambler.ru)

Литературно-критическая деятельность Н. Д. Ахшарумова, еще недавно находившегося в тени истории культуры, изучена сегодня довольно основательно и подробно, о чем свидетельствуют не только научные статьи последних лет, но и монографические исследования [Володина, Лаврова, 2018; Майорова, 1989]. Анализ этой деятельности позволяет, в частности, говорить об Ахшарумове как писателе-беллетристе, чьи произведения, с их экспериментальной, хотя и зачастую декларативно-вторичной поэтикой не оставили серьезного отражения и не вошли в фонд чтения последующих поколений. Более того, опираясь на изучение творческого пути писателя, можно сделать вывод о том, как складывалась его литературная репутация – многочисленные отзывы критиков и современников дают здесь исследователю довольно богатый материал. Наконец, обращение к современным средствам количественного анализа показывают, в частности, на какие десятилетия пришелся пик популярности статей и произведений писателя (1850–1860-е гг.), а в какое время его статьи стали восприниматься как анахронизм (1890-е гг.).

Однако несколько иной свет на личность рассматриваемого писателя проливают его черновые записи, составляющие серию толстых тетрадей. Обращение к этим материалам, в частности, объясняет то обстоятельство, почему многие современники Ахшарумова, лично его знавшие – В. И. Семевский, С. А. Венгеров, П. В. Быков, называли его ученым, ставя в своих статьях о писателе слово «литератор» на второе или третье место. Наблюдаемый нами феномен, названный в статье «стихийной семиотикой», позволяет судить о том, что на протяжении более чем 30 лет Ахшарумов за-

нимался написанием научной работы, призванной систематизировать разрозненные научные знания о психологии, лингвистике, и философии.

Из биографии писателя известно, что после отставки из канцелярии военного министерства он некоторое время посещал курсы Петербургского университета. Однако рассматриваемые в статье черновые записи лишены привычной логики студенческого конспекта, а в ряде случаев претендуют на новизну в освещении существующих проблем. В то же время, по всей видимости, Ахшарумов не планировал публиковать эти работы или представлять их к защите; таким образом, перед нами исследование *в самом себе и для себя*, о целях и прагматике которого можно только строить догадки.

Первая тетрадь, сохранившаяся в архиве Ахшарумова, датирована 1856 г. Записи, имеющиеся в тетради, объединены под общим названием «Теория слова» (далее – «Теория...»), особое внимание автор уделяет разделу «Теория буквы». Этот раздел открывается пространным рассуждением, в котором автор пытается разграничить слово (язык) и речь, одновременно ставя своей задачей выявление такой единицы этого языка или речи, которая бы позволила описать все многообразие явлений речевой деятельности.

Слово есть дело, и потому изучать его нельзя иначе, как на деле. Слово, на деле, является речью. Всякую речь, разбирая на составные части, мы приходим наконец к такой части, которую нельзя разделить, не уничтожив живого значения того целого, которому она служит уединенным представителем. Эту часть, неделимую, заключающую в себе, как зерно, все беспрепятственное развитие пестрого и разнообразного явления Слова, мы можем изучать не иначе, как с большою осторожностью. Мы должны помнить, что каждый член и сустав ее сам по себе не существует, а живет только в полном объеме неделимого и что если бы мы вздумали, отрезав его анатомическим ножом рассудка, придать ему значение самостоятельное, мы бы сделали убийство и в результате получили не более, как мёртвую букву. Сохраняя в виду постоянно эту необходимую истину, мы назовем неделимое явление речи – единицей речи или изречением¹.

Как и многие современники, развивая эту мысль, Ахшарумов приходит к ложному выводу о том, что такой единицей может быть не звук (в его идеальной или действительной реализации), а его условный графический эквивалент – буква. Несмотря на то что выбор такого эквивалента изобличает лингвистический дилетантизм автора «Теории...», предпринятое им движение от слова к букве, предполагающее поиск внутренней закономерности, или изоморфизма, позволяет разграничить план выражения и план содержания.

---

¹ Р II. Оп. 1. Ед. хр. 8. С. 2. Здесь и далее цитируются страницы рукописей из фонда 377 (Ахшарумов) с указанием номера описи и пагинации.

Изучая А как член неделимой единицы речи, мы находим, что он имеет две стороны, одну известную, другую – неизвестную. Известная сторона А равна букве, означающей что-нибудь. Неизвестная равна чему-нибудь означенному буквою. Следовательно, А равно два раза: раз – букве; раз – чему-нибудь в одном образе, или знаку А, соединяющему в себе означающее с означаемым².

Придя к закономерному выводу о различии двух сторон означаемого и означающего и сведя это наблюдение к очевидному *А есть В*, Ахшарумов создает целый реестр означаемых А (от 1-го «Что-нибудь, могущее быть знаком чего-нибудь» до 9-го и 10-го: «Что-нибудь, понимающее себя мыслью»; «Что-нибудь, являющее собою вещь – себя мыслью»). Эти наблюдения в рукописи соотнесены с морфологическими свойствами местоимений, при этом я становится *чем-то, являющим себя вещью*, ты – *чем-то, понимающим себя мыслью*, он – *чем-то, являющим собой вещь – себя мыслью*. Безусловно, данные рассуждения свидетельствуют о пристальном чтении работ Х. Штейнталя, Э. Ренана и О. Конта. Со Штейнталем Ахшарумова сближает попытка соединения философских и морфологических категорий, с Ренаном – тяготение к схемам и алгоритмам описания³ и недоверие (которое будет с годами усиливаться) к лингвистическим методам изучения.

«Теория буквы» не закончена; работа обрывается формулировкой важного вывода: «Таким образом, теория слова от теории буквы переходит к теории имени»⁴. Судя по отдельным заметкам, автор планировал рассмотреть имя как совокупность имен, тем самым двигаясь от представления о фиксированном и инвариантном соотношении плана выражения и плана содержания к тому, что сегодня принято называть «теорией анаграмм».

Замысел «Теории...» продолжен в рукописи 1858 г. Сравнение двух вступлений свидетельствует о постепенной выработке терминологического аппарата. Так, отказываясь от прямого употребления идиомы «Слово есть дело», Ахшарумов пишет о речевой деятельности как явлении силы. Более того, параллельно рассуждая о сущности «Порабощенного искусства» в других публикуемых к этому времени материалах, автор «Теории...» и в этом случае обращается к ранее избранной *оппозиции свободного / порабощенного*.

² Р II. Оп. 1. Ед. хр. 8. С. 4.

³ В рукописи «Теории...» наряду со словами используются графические символы: дом, цапля, снеговик, – иконическая природа которых не мешает автору статьи дифференцировать их ПВ и ПС.

⁴ Р II. Оп. 1. Ед. хр. 8. С. 22.

Слово есть свободное явление силы, т. е. такое явление, в котором сила, освобождаясь от своего непосредственного и безусловного, понимает себя как смысл в качестве чего бы то ни было, никакой данной особенности безусловно неподчиненного.

Теория слова имеет предметом исследования на опыте: каким путем и каким способом это освобождение совершается и какими условиями или законами мысль, освобождающая себя от своего предела, безусловного и непосредственного, определяет свое отношение к этому предмету⁵.

Говоря о когнитивной функции речевой деятельности, Ахшарумов, с одной стороны, отказывается от анатомических метафор, характерных для его дискурса 1856 г., с другой же – он обращается к собственно философским категориям, соотнося слово и мысль с представлением о достигаемом пределе. Такой подход оказывается продуктивным, поскольку позволяет автору рукописи сформулировать знаковый характер слова и высказывания:

На вещественной стороне этого действия, слово имеет знак, а на стороне той силы, которая этим знаком себя обнаруживает, мы находим мысль в качестве чего бы то ни было означаемого.

Таким образом, Слово может быть понято не иначе, как в образе действия, имеющего две стороны: Означающую и Означаемую⁶.

Вслед за кантианцем Штейнталем Ахшарумов выдвигает идею первообраза речи. Ставя перед собой довольно утопичную задачу, русский писатель разделяет свой труд на три части: 1) Теория означаемого; 2) Теория знака; 3) Теория речи. Эта программа – своего рода интеллектуальный сизифов труд⁷ – не была осуществлена в полной мере, однако даже разрозненные черновые записи позволяют судить о том, как эволюционировала мысль Ахшарумова за сравнительно небольшой период времени: несколько сохранившихся конспектов 1860-х гг. являются красноречивым свидетельством того, что эта задача продолжала занимать Ахшарумова, несмотря на его интенсивную беллетристическую и критико-литературную работу.

Так, в 1864 г., начиная «Введение в теорию слова», писатель пытается обозначить общие причины упадка философии⁸. Здесь же мы находим конспекты работ Штейнтала и Конта, при этом конспект работ Конта дан

---

⁵ Р II. Оп. 1. Ед. хр. 10. С. 2.

⁶ Там же.

⁷ Сам Ахшарумов назвал сизифовым трудом позитивистский метод О. Конта.

⁸ Не менее занимательным является и найденное на полях имя – рукой Ахшарумова выведено ГОГОЛЬ.

одновременно с французского оригинала и английского перевода (часть текста сопровождается самостоятельным переводом Ахшарумова)⁹.

Кажется довольно знаменательным, что в ранних рукописях исследования (1856–1864) не дано прямых ссылок на цитируемые источники. Ахшарумов излагает прочитанное от своего имени, практически не вступая в открытую полемику и не солидаризуясь со своими современниками. В этом отношении дискурс рассмотренных рукописей отчетливо монологичен – Ахшарумов пишет фрагменты работы, как читатель, до конца не осознавший то, что он прочитал, и в силу этого не сумевший отделить от чужого собственное слово.

Несколько иначе (диалогически) написана часть работы 1880-х гг. Несмотря на общую идею – найти предельные онтологические основания в языке, проанализировав его от крупных высказываний к мельчайшим единицам, от ранних работ «Представительный смысл вещей и его роль в интеллектуальных функциях» (далее – «Смысл...») отличает яркий полемический задор. Обращаясь к работам Гриммов, Штейнталя, Ренана, Ахшарумов замечает в своем реферате: «...как *выспренно* может быть иногда поставлен вопрос и как *тупоумно* решен!», «...надо бы лишить профессорской кафедры», «до сих пор занимается пережевыванием шелухи». В этом раздражительном тоне хорошо отражается сознание учено-дилетанта, полагающего себя главным экспертом в рассматриваемой проблеме. Обрушиваясь на своих моделируемых адресатов, автор филиппики в то же время должен был учитывать, что он, как и его оппоненты, находится в зоне недосыгаемости.

Итоговый вариант работы «Смысл...» мы находим в рукописи 1887 г. Анализ сохранившейся части текста показывает, что Ахшарумов возвращался к композиции ранних работ, в частности, учитывая наброски и рефераты, сделанные им в конце 1850-х гг.

«Смысл...» открывается общим рассуждением о статусе гуманитарных наук. Сравнивая методологию философии, логики и истории культуры, Ахшарумов отдает предпочтение психологии, которая названа в его работе *наукой о значениях*. Проследивая становление этой науки от Античности до «Критики чистого разума», Ахшарумов отдельно останавливается на научном наследии И. Канта. С его точки зрения, искажение исходных понятий «Критики...», неумение современников и философов последующих поколений разглядеть «верстовые столбы» определило ту зыбкость и неустойчивость, в которой находится *наука о значениях*. Называя О. Кон-

---

⁹ Расшифровать эти разрозненные записи не представляется возможным – очевидно, что качество рукописи свидетельствует о ее предварительном характере. Маргиналии и пометы на полях говорят о том, что Ахшарумов просматривал эти тетради значительно позже – в 1880-е гг., когда на смену так и не написанной «Теории слова» во всех ее вариациях и вариантах пришел новый замысел, получивший название «О представительном смысле вещей».

та одним из самых серьезных мыслителей своего времени, Ахшарумов в то же время вступает с ним в дискуссию: позитивистский метод Конта оказывается ложным, поскольку в нем не учитывается «...непостижимое столкновение слов, в котором одни только голые именные фантомы стоят на месте реальных феноменов...»¹⁰. В этой части работы негативная оценка дана и лингвистике, которая, по мнению писателя, неудовлетворительно работает с изучением речевой деятельности, уделяя ключевое внимание сравнению языков (т. е. генеалогической классификации).

В выборе собственного научного метода Ахшарумов архаичен – он видит предпосылки исследования в эмпиризме Бэкона и утилитаризме Бентама. Сравнивая коммуникацию животных и людей (животные в отличие от людей, по мнению Ахшарумова, не способны понять *знак* как *знак*), Ахшарумов предлагает ряд оригинальных примеров, предлагая рассмотреть *появление ракеты, зарево на небе, следы в лесу* как знак-сигнал или, говоря современным языком, иконический символ. Так, например, анализируя возможную реакцию адресата на появление ракеты в небе, Ахшарумов замечает:

Тогда в сознании его промелькнут, одна за другой – три вещи.

Одна – это индивидуальное сочетание звуков *р а к е т а*, на котором внимание его вовсе не остановится.

Другая – это вызванный вашим возгласом в его памяти чувственный образ ракеты. Внимание его, однако же, не остановится и на этой другой, а перейдет на третью:

Сигнал, – шевельнется беззвучно на языке его новое слово, слитое неразрывно с его значением.

<...>

И всё это многообразное, вызванное в его и вашем сознании, последовавшим превращением чувственных образов в знаки, в свою очередь, значит для вас что-нибудь¹¹.

Именно этот шаг в сторону от языка к прагматике повседневных действий позволяет автору далее говорить о разграничении прямого и косвенного смыслов, перейти от закрепленного денотативного значения к коннотациям и ассоциациям. Это особо проговаривается в работе:

Изучаемое слово – лишь самый частный тип знака. Вещь, на которой остановлено наше внимание, в свою очередь, становится знаком и освещает что-нибудь, что мы сознаем обыкновенно вместе с данным ему смыслом, это другое становится знаком третьего и так далее¹².

---

¹⁰ Р II. Оп. 1. Ед. хр. 16. С. 3.

¹¹ Там же. С. 14.

¹² Там же.

Завершая серию примеров, автор пытается дать определение понятию «знак», используя в качестве его синонима словосочетание «представительный смысл». Здесь же вслед за философами кантианского толка Ахшарумов вводит понятия *рамка*, называя так вместимость сознания, или его пределы, и *горизонт*, подразумевая под этим *предел значимости для человека вещей*. Кажется характерным, что, описывая абстрактное значение, автор рукописи колеблется между понятиями *абстракция* (зачеркнуто) и *фикция* (дано в итоговом варианте работы). Знак как отражение реалии или смысла слова в сознании человека, по мнению Ахшарумова, имеет отношение к абстракциям; более того, автор проводит аналогии, говоря о метаязыке математики и геометрии (формулы и фигуры) и грамматики (название частей речи).

Заключение последнего известного нам раздела также не лишено интереса. Здесь, во многом отходя от строгого языка дефиниций, Ахшарумов обращается к метафорическому описанию речевой деятельности.

Единственный достоверный памятник как борьбы, так и зодчества это наша «Изустная речь». Строительная работа мысли выразилась в ней вся, со всеми своими фазисами, и прежде всего со своим блужданием ощупью в лабиринте чувственностей, которые требовалось осмыслить, чтобы сделать из них не грубые и бессвязные кирпичи, а живой и способный к строительной организации материал, каждый индивидуальный атом которого носит на себе образ и может служить представителем целого. Все промахи зодчего и вместе и все победы его оставили в этой работе свои следы. ~~Поэтому ее изучение — благодарный труд, и мы приглашаем к нему горячо всех тех, кому дорог успех психологии~~¹³.

Таким образом, «Смысл...» завершает серию черновых записей, в которых, исследуя психологию как науку о знаках, Ахшарумов, как и многие его современники, интуитивно и стихийно открывает (часто ошибочно) основы еще не существующей науки – семиотики, или семиологии. Начиная с позитивистских аналогий языка и организма, автор работы по мере накопления новых знаний обращается к языку абстракций и символов. Приведенная выше метафора, как бы собирающая в себе идиоматику «слово есть дело», является своеобразным итогом известных нам рассуждений писателя¹⁴.

¹³ Р II. Оп. 1. Ед. хр. 16. С. 16.

¹⁴ Однако работа над замыслом продолжалась практически до смерти писателя – новые книги и исследования пробуждали его интерес к начатому исследованию. Ознакомившись с изложением основных работ Ф. Ницше, а также прочитав монографию Страхова о началах философии, он делает развернутые выписки, которые в дальнейшем, судя по пометам и комментариям, могли быть использованы в итоговой работе. Особенно примечателен интерес Ахшарумова к эссе В. Розонова «Легенда о Великом инквизиторе», точнее, к тому фрагменту работы, где автор,

Оговоримся, что сделанные наблюдения не отменяют дилетантизма автора этих работ. Подобно создателю «Всемира» А. В. Сухово-Кобылину, Ахшарумов выступает как образованный читатель своей эпохи, которому было тесно в рамках существующих научных теорий [Пенская, 2000; Янушкевич, 2011]. Не имея возможности состояться в научной сфере или занять кафедру, Ахшарумов сосредоточивает свои интеллектуальные усилия в своеобразной, во многом потайной работе, не предназначенной для широкого круга читателей. В сущности две сферы его деятельности – публичная, связанная с критикой и беллетристикой, и частная, камерная, являют любопытный контраст. Чем менее успешно складывалась литературная карьера Ахшарумова, по всей видимости, осознавшего второстепенное значение своих текстов после культурного взрыва 1866 г.¹⁵, тем интенсивнее становились его научные поиски, позволяющие ему быть в своих глазах и глазах ближайших друзей ученым. При всей банальности такой метафоры, рассмотренный случай позволяет говорить о любой личности писателя – не важно, беллетриста или канонизированного классика – как своеобразном айсберге, где «подводная часть», как правило, не рефлекслируемая современниками и не отраженная в печати, задает основные контуры идентичности. Кроме того, в единичных уникальных случаях такое накопление инертного материала дает взрывной эффект и «переворачивает айсберг» – достаточно вспомнить многочисленные черновики Толстого, определившие специфику философских глав его романа «Война и мир». Существующие как отдельное целое записи Толстого свидетельствуют о недостаточном академизме и грубых научных допущениях, не приемлемых в исторической науке 60-х гг. XIX в. Тем не менее в структуре эстетического целого их соединение с художественным текстом определяет уникальность поэтики романа Толстого [Козлов, 2015].

Каждое обращение к таким документам имеет методологический смысл: в сущности, перед нами ценное свидетельство читательской интерпретации ведущих идей эпохи. Образованный читатель поколения и жизненного опыта Ахшарумова осознавал явную лакуарность гуманитарного и философского знания и жадно читал работы на доступных ему языках, пытаясь наряду с решением личностных задач (конструированием своей идентичности) упорядочить логику, философию и психологию. В этих поисках

говоря о неевклидовой геометрии, ссылается на исследования Лобачевского. Этот концепт обрывается важным для нас выводом: «знак – сила свободная и беспрепятственно возникающая». В этой последней, предварительной и во всех смыслах слова черновой версии сформулирован своеобразный итог теоретических поисков Ахшарумова, возможность завершения сизифова труда. Знак становится не только означаемым, но и означающим, а главное утверждается коммуникативная природа знака.

¹⁵ Ахшарумов посвятил романам «Преступление и наказание» и «Война и мир» серию критических разборов (опубликованы в журнале «Всемирный труд»).

равное место занимали и классические работы Конта и Штейнтеля, и эссеистика Розанова и Ницше, и существующие в пересказах идеи Лобачевского.

Таким образом, «Теория слова» и «Представительный смысл вещей» открывают еще одну сторону личности Ахшарумова, делая рассматриваемый случай одновременно уникальным (в контексте биографики Ахшарумова) и типичным (в разговоре о круге чтения интеллектуалов второй половины XIX в.). Кроме того, описанные в статье *предвосхищения* свидетельствуют об общей эволюции идей, характерных для западноевропейской науки. В этом отношении ответ, который дали ученики Соссюра в начале XX в., предсказуем (и отчасти определен даже дилетантами). Из поля стихийных интуиций должна была сложиться новая парадигма, которая могла бы завоевать доверие дилетантов и получить поддержку специалистов [Шатин, 1996; Алпатов, 2017; Постовалова, 2017].

Иными словами, если бы «Курса общей лингвистики» не было, его нужно было бы создать¹⁶.

Список литературы

Алпатов В. М. Фердинанд де Соссюр и мировая лингвистика (к 100-летию первого издания «Курса общей лингвистики») // Критика и семиотика. 2017. № 1. С. 10–24.

Володина Н. В., Лаврова С. Ю. Творчество Н. Д. Ахшарумова: опыт монографического анализа беллетристических текстов. Череповец, 2018.

Козлов А. Е. К вопросу о границах философского и эстетического дискурсов (С. Кьеркегор, Ф. Достоевский, Л. Толстой) // Критика и семиотика. 2015. № 2. С. 354–366.

Майорова О. Е. Ахшарумов Николай Дмитриевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. С. 131–132.

Пенская Е. Н. Проблемы альтернативных путей в русской литературе: поэтика абсурда в творчестве А. К. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. В. Сухова-Кобылина. М.: Carte Blanche, 2000.

Постовалова В. И. Фердинанд де Соссюр и его значение в становлении лингвофилософской мысли XX–XXI веков // Критика и семиотика. 2017. № 1. С. 25–68.

Шатин Ю. В. Три вектора семиотики // Дискурс. 1996. № 2. С. 41–47.

Янушкевич А. С. Философия и поэтика гоголевского Всемира // Феномен Гоголя: Материалы Юбилейной междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя. СПб., 2011.

¹⁶ См. о научных интуициях, определивших методологическое первенство учения Соссюра, журнал «Критика и семиотика», 2017. № 1.

Article metadata

Title: Spontaneous Semiotics of Nikolay Akhsharumov

Author: A. E. Kozlov

Author's e-mail: alexey-kozlof@rambler.ru

Author's affiliation: Novosibirsk State Pedagogical University

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of the spontaneous semiotics of the critic and writer Nikolai Dmitrievich Akhsharumov. A contemporary of Tolstoy and Dostoevsky, well studied today as a fiction writer, Akhsharumov is practically not known as a researcher, who for a long time created a series of fundamental works. These works were not intended for publishing, nevertheless, they were consecutively examined, they indicate tense methodological searches. Moreover, that texts aren't far beyond the aesthetic interests reflected in the published works of the writer. In particular, relying on the works of I. Bentham, O. Comte, E. Renan, H. Steintal, and others, Akhsharumov formulates a number of fundamental theses: 1) psychology is the science of signs, which must deal with the study of their «upcoming meanings»; 2) the connection between the signified and the signifier is realized at the level of abstraction from the called object, and in many respects is associative; 3) the value is determined by the communication and is adjusted depending on the recipient's pragmatics.

In fact, hereby, there are two spheres of activity – public, connected with criticism and fiction, and private, chamber, are a curious contrast. The less successful the literary career of Akhsharumov, who apparently realized the secondary importance of his texts after the cultural explosion of 1866, the more intensive his scientific search became, allowing him to be in his eyes and the eyes of his closest friends to scientists. In addition, in unique cases, such accumulation of inert material gives an explosive effect. That's case of the specificity of the philosophical chapters the Tolstoy novel «War and Peace». Existing as a separate whole of Tolstoy's record indicates a lack of academicism and gross scientific assumptions that are not acceptable in the historical science of the 1860s. Nevertheless, in the structure of the aesthetic whole, their connection with the artistic text determines the uniqueness of the poetics of Tolstoy's nove.

Despite the obvious dilettantism in presenting the existing theories, Akhsharumov-researcher deserves attention in the context of studying «spontaneous intuitions» that determined the scientific revolution of the beginning of the 20th century. The reference to draft notes indicates that many semiotic ideas, without a clear language of expression, literally «rushed in the air», and were familiar to readers who go beyond the academic circle. «Secret», not known to contemporaries side of Akhsharumov's personality is a private evidence of intuitive anticipation of large scientific discoveries.

Key terms: Akhsharumov, spontaneous semiotics, dilettantism, literature reputation, secondary and alternative.

Reference literature (in transliteration):

Alpatov V. M. Ferdinand de Saussure and the World Linguistics (to the 100th Anniversary of the First Publication of «Course of General Linguistics»). *Critique & Semiotics*, 2017, no. 1, p. 10–24. (in Russ.)

Kozlov A. E. On the question of the boundaries of philosophical and aesthetic discourses (S. Kierkegaard, F. Dostoevsky, L. Tolstoy). *Critique & Semiotics*, 2015, no. 2, p. 354–366. (in Russ.)

Mayorova O. E. Akhsharumov Nikolay Dmitrievich. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskiy slovar'*. Moscow, 1989. (in Russ.)

Penskaya E. N. Problemes of alternative ways of Russian literature. Moscow, 2000. (in Russ.)

Postovalova V. I. Ferdinand de Saussure and his role in the evolution of linguistic and philosophical thought of the 20th – 21st centuries. *Critique & Semiotics*, 2017, no. 1, p. 25–68. (in Russ.)

Shatin Yu. V. Three Vectors of Semiotics. *Discourse*, 1996, no. 2, p. 41–47. (in Russ.)

Volodina N. V., Lavrova S. Yu. Akhsharumov's fiction. Monographic description. Cherepovets, 2018. (in Russ.)

Yanushkevich A. S. Philosophy and Poetics of Gogol's universe. *Gogol phenomenon*. St. Petersburg, 2011. (in Russ.)